

1 марта исполнилось 80 лет со дня рождения композитора Евгения Дмитриевича Доги. Я уже давно знаком с Евгением Дмитриевичем. А познакомил меня с ним кинорежиссёр Василий Степанович Панин, музыку к фильмам которого написал Евгений Дога. Это фильмы: “Захочу – полюблю” (1987), где запомнилась игра Веры Сотниковой и Анатолия Васильева; “Господа артисты” (1992) с созвездием любимых актёров – Львом Дуровым, Ниной Руслановой, Михаилом Пуговкиным, Евгением Моргуновым, Романом Филипповым по водевилю Соллогуба; “Несравненная” (1995) с Вячеславом Тихоновым и Любовью Соколовой – фильм об исполнительнице русских романсов Анастасии Вяльцевой; “На заре туманной юности” (1996) – о поэте Алексее Кольцове, где мы увидели Игоря Кашинцева, Льва Дурова, Аристарха Ливанова, Раису Рязанову, и ряд других картин.

Все фильмы насыщены мелодичной, подчас какой-то родниковой музыкой Евгения Дмитриевича Доги, которая придала зрительному ряду фильмов особую прелесть. Я уже не говорю о фильмах Эмиля Лотяну “Табор уходит в небо”, “Мой ласковый и нежный зверь”, танцы и вальсы к которым вошли в нашу кровь и плоть, их часто можно услышать на улицах наших городов, и они считаются почти народными.

Вклад композитора в киноискусство огромен. Им написана музыка более чем к двумстам фильмам. Работая с кинорежиссёрами Эмилем Лотяну, Василием Паниным, Станиславом Говорухиным и многими другими мастерами кино, он обогатил российский кинематограф и обогатился сам. У Доги во всём просматривается эта взаимность обогащения, когда при написании музыки он погружается в ту эпоху, в тот быт, в те отношения людей, в те чувства, которые отражены в киноленте, а вжившись, благодаря своему таланту, он одаривает нас своими музыкальными произведениями, которые настолько точно передают содержание фильма, что порой и голосов героев, и закадрового комментария не надо.

Вот как Евгений Дога отозвался о значении для него Василия Панина на творческом вечере кинорежиссёра в Центральном доме работников искусств 3 апреля 2016 года: “Я хочу сказать, что благодаря Василию Степановичу я окупился в новый мир. У него именно та лирическая сторона российской культуры – народного творчества, особенно. Благодаря его таланту, его любви к своей родной воронежской земле он сумел народное творчество вознести на уровень высокого художественного мастерства”.

Это сказал человек, который родился в таком же степном, как Воронежское черноземье, Приднестровском краю. Его родное село Мокра лежит на левом, российском берегу Днестра среди дубрав и полей. Дога два раза окончил Кишинёвскую консерваторию, осваивал разные специальности. Первые свои песни, квартеты, балеты, симфонии написал на родине, а потом с головой уходил в жизнь тогда огромного Советского Союза, расширяя своё духовное пространство.

Поэтому Евгений Дмитриевич в одном своём интервью сказал: “Говорят обо мне на радио, на телевидении: “У нас в гостях **молдавский композитор Евгений Дога**”. Но, извините меня, что ж вы обижаете моих коллег. Что ж вы не говорите: у нас в гостях еврейский композитор Оскар Фельцман. Что ж вы его по национальности не обозначаете, а меня обижаете. Нет, я не отставляю своё происхождение куда-то в сторону, я не брезгую им, наоборот, я горжусь. Но я не могу позволить сделать мне обрезание рук, ног, памяти особенно. Поэтому я всегда ставлю на место людей, которые этого не понимают. **Я – не молдавский композитор. Я – композитор из Молдавии.** Хотя я могу сказать: я – молдавский композитор (видимо, интервью было в Молдавии), **в России же я – российский композитор.** Это подтверждено изданиями. Извините меня, **а чём я – менее русский, чем все русские?** У меня есть масса произведений, которых у моих коллег из Российской Федерации в помине не существует. Одних только романсов на стихи поэтов Серебряного века – три тетради. Извините, такого не существовало вообще в истории музыки”.

Я восхищался произведениями Евгения Дмитриевича и искал ключи к его творчеству. И со временем их находил. Одним из них оказалась его нелёгкая жизнь. Он появился на свет в крестьянской семье. Его мама стала седьмым ребёнком, когда её отца забрали на Первую мировую войну, и он не вернулся с фронта.

Отец будущего композитора работал в колхозе бригадиром и сутками пропадал в поле. А мать, также трудясь и выполняя высокие нормы в колхозе, находила время на сына и стремилась привить мальчику любовь к жизни, открывала глаза ребёнку на мир прекрасного.

Вот как Дога написал в эссе о маме: “Мама чаще всего говорила молча, ибо в её взгляде было столько энергии, столько боли, столько любви, столько нежности, а иногда и упрёка, сколько не может вместить даже огромная Галактика, потому, что она сама космична и бесконечна”.

Когда мальчику исполнилось семь лет, отца отправили на фронт. Это произошло сразу после того, как приднестровский край освободили от немцев. Он был миномётчиком, из-за маленького роста его посылали в разведку, он дошёл до Венгрии. Евгений Дмитриевич впоследствии нашёл людей, которые видели, как отец погиб. Они рассказывали, что разведчиков засекли в тылу врага и пустили на них мины. От бойцов ничего не осталось...

На руках у двадцатидевятилетней вдовы остался сын Женя и её мать, бабушка мальчика.

А смышлёного паренька тянуло к неизвестному, непонятному. Он стремился во всё разобраться, всё понять. Когда к ним в сельский клуб села Мокра приехал оркестр, Женя следил за тем, как контрабасист двигал палочкой смычком, потом он подкрадывался к нему и прикасался к инструменту. Не отрывал взгляда от скрипача, орудовавшего смычком. Ему всё казалось в диковинку, магнитом притягивало к себе. Вопрос на вопросе: как рождается звук? Как звуки собираются в мелодию? Вот что захватывало сознание паренька.

После окончания в Мокре семилетней школы он направляется в Кишинёв поступать в музыкальное училище. Удивляется множеству проводов на улицах города. Он спрашивает себя: зачем эта паутина? Мир сельского паренька расширялся широкими мощёными улицами, тенистыми парками, высокими домами.

Учась в училище, он два года проходил на занятия босиком. Мама купила ему резиновые сапоги, но их у него своровали. Мальчик не спасовал перед трудностями жизни. Он взахлёб постигал мир музыки. Он и поныне добрым словом вспоминает библиотечкару училища, которая открыла ему мир книги; учителя игре на виолончели. Видимо, эти люди разглядели дарование в нём незаурядное и всю душою помогали.

Наметилась ясность в будущей жизни: Дога играл в местном ансамбле на контрабасе, его даже записывали на радио, приглашали в театр исполнить

партию на виолончели. Он уже мог позволить себе пойти на “толкучку” и купить что-нибудь из модной одежды, как неожиданно проявился паралич левой руки и помешал осуществиться мечте – стать музыкантом-исполнителем.

Женя не сдался. Он упорно пробовал себя в другом. Второй раз поступил в консерваторию, где теперь изучал теорию музыки, осваивал искусство дирижёра. Он находился в постоянном поиске и в непрестанном труде.

И вот песня Жени Доги прозвучала со сцены на концерте. Её исполнила знаменитая впоследствии певица Мария Биешу. Его заметили в мире искусства. Наступает пора, когда сам Эмиль Лотяну заинтересовался молодым композитором и пригласил его писать музыку к своим кинолентам.

Непременный ключ к разгадке композитора – его талант.

Я два раза слушал, как Евгений Дмитриевич исполняет свой вальс из кинофильма “Мой ласковый и нежный зверь”. Вспоминаю, как только он сел за рояль, зал замолк. По залу что-то робко прошелестело, потом музыка стала набирать звучание, снова стихла и как будто проникла в тайники человеческих душ. Вышла оттуда с новой силой и уже, накручивая, набирая обороты, неслась в пространство зала, которое, казалось, обретало небесные размеры, вбирая в себя всех находящихся в нём с их мыслями и чувствами, а на глаза у меня наворачивались слезы. Незабываемые минуты. . .

После одного такого исполнения вальса 3 апреля 2016 года в ЦДРИ Дога сказал: “Те вещи, которые мною написаны залпом, они лучше, чем те, над которыми я сидел и разрисовывал каждую ноту. Записываешь под запалом, а потом начинаешь корректировать, и всё портится. . . Вальс к “Моему ласковому и нежному зверю” я написал буквально за полночи. Что касается фильма “Табор уходит в небо”, то я вообще потерял ноты. И надо было делать вид, что я могу сделать. Послезавтра должна быть запись, а я за два дня до этого потерял ноты. Забыл в такси. И запись состоялась. Лучшие номера, когда экспромтом”.

Догу поглотили годы самоотверженного, вдохновенного труда. Евгений Дога постоянно заряжен новым делом, новой идеей, настойчиво воплощает её в жизнь. Его невозможно увидеть празднично проводящим время или предающимся развлечениям. Музыка к фильмам на киностудиях “Мосфильм”, “Молдова-фильм”, “Ленфильм”, Свердловской, Одесской. Концерты в самых больших залах Советского Союза. Звучала музыка Доги на открытии “Олимпиады-80”, а не так давно, на “Олимпиаде-2014”, её слышали миллиарды жителей земли.

Евгений Дмитриевич Дога общенационален. Находясь в Европе, он смотрит, как там живёт европеец, какая у них в стране музыка. И в Африке не сидит в гостинице, а спешит к людям, смотрит, впитывает, насыщается.

Но его отношение к России особое. Вот что он говорил мне в Крылатском: “Я с восхищением вспоминаю. . . о воронежской земле, о Воронеже. Красивый город! Сколько там вузов, сколько там студентов. Да и не только в Воронеже. Вообще в центральной России. Такое и Иваново, с восторгом могу говорить о Смоленске, о Новгороде Великом, который, казалось, где-то там на севере. Ничего подобного. Там такая интересная жизнь культурная. Потрясающая. Молодцы! А как в Чувашии! Я был там недавно. Как там построено! Значит, можно! У них в Чувашии нет нефти, но могут. У них есть нефть мозговая!”

Я знал о желании Доги побывать с концертом в Воронеже. Но воронежские власти не очень шевелились, объясняя свой отказ отсутствием финансовых средств, что вызывало у меня только возмущение.

А Дога сетовал: “Что, разве все милованы села Воронежской области? Я не думаю. Взять ту же родину Василия Степановича Панина, село Хохол. Это большое поселение. Мы готовы идти туда, потому что хотим напомнить о себе. Аукайте, и мы откликнемся. Но не аукают. К сожалению, волки только аукают. Эти безнравственные волки”, – сказал и горько засмеялся Дога.

И продолжил: “У меня ещё не было такого случая в России, и не только в России, чтобы не было людей на концертах. Если я увижу пустое кресло в зале, я перестану выходить к людям. Я помню, у меня были какие-то встречи случайные, да полно людей. В том же селе Хохол. Дом культуры. Битком было народу. Там десятки сёл. Это не деревни, это сёла огромные. Что такое деревня и что такое село? Деревня – это там, где нет церкви. А село – это там, где есть церковь. Это очень важная деталь. А то говорят: “Я был в деревне. – Да не был ты в деревне, здесь сёла огромные!” Тем более, в европейской

части. Обширные поселения, где есть церкви, и не одна! И чем меня привлекает вот эта земля? Тем, что она очень похожа на молдавские сёла, потому что молдавские такие же хлебосольные, такие же хлебные. И там люди ещё не разучились работать на земле, причём люди, которые привязаны к земле. Эти люди очень богаты духовно”.

Об отношении к России Евгения Дмитриевича говорила и другая деталь. На встрече в ЦДРИ 3 апреля 2016 года он сказал: “У меня на столе лежит “История государства Российского” Карамзина. И что ни страница, там мудрость. И одна из них: “Чтобы любить, надо знать”. Мы мало знаем друг друга и мало знаем предмет. Встречи с людьми хороши. Повод можно придумать. Но надо знать предмет общения. Познания. Мы будем лучше знать друг друга. Лучше относиться друг к другу. Больше будем улыбаться и таким образом продолжать свою жизнь. А то мы так хорошо специализировались на сокращении собственной жизни, что дальше некуда”.

У Евгения Доги сердечное отношение к русской музыке, особенно народной. В Крылатском он со мной поделился: “Вообще, русский фольклор – это для меня ещё одно окно в музыкальный мир. Потому что это корни. Я пытаюсь свои корни пустить и в эту почву. Потому что есть одна и та же эмоциональная подпитка. Движение, чистота, человеческое присутствие везде в русских песнях и особенно вот в этих, протяжных, – в них чья-то судьба и стремление к выходу на просторы, к свободе, то, что присуще любому нормальному человеку, который привязан к земле особенно. Это не те, которые бегают сейчас с этими суперсовременными машинами, это другие люди. Поэтому меня роднит стремление к этой свободе, к этой широте, к насыщенному колориту этих мелодий. Они удивительно гибкие. Они не просто всякими ритмами насыщены. Они почему протяжные? Потому что там есть возможность сопереживать, есть возможность настроиться. А это и характер людей. Почему там ходят более размеренно люди? А потому, что есть время для размышления.

Я, например, восхищаюсь всегда парочками, которые сидят на скамейке. Молча сидят и друг на друга смотрят. Это потрясающе. Вот где высочайшая форма общения, а не те, которые ла-ла-ла-ла... Это форма. То, что есть в хоровом пении. Обязательно там кто-то запеваёт, начало даёт. Что это даёт? Это даёт возможность прислушаться. Один запеваёт, а остальные прислушиваются, настраивают свои внутренние органы на это действие, на эту повесть, на этот рассказ, на эту историю, которую начинает запевала, на этот тон, и они ему подпевают. Это потрясающе!”

Евгений Дмитриевич по своей остро чувствующей натуре не может пройти мимо того, на что другой не обратит внимание. Боль другого воспринимается им, как личная. Я знаю много людей, которые изнашивали себя, и это сокращало их жизнь. В числе их и Евгений Дога, и меня очень волнует, как чувствует себя этот отзывчивый человек, много ли ему ещё отведено жизни.

А при беседе в Крылатском Евгений Дога по-бойцовски сказал:

– Я критикую, но я не критикан! Я критикую, опять повторяюсь, не для того, чтобы уничтожить. Это всё равно, что ходить с веником по квартире не для того, чтобы сорить, а для того, чтобы выметать грязь из квартиры. Поэтому те, которые понимают это, те правильно расценивают. А те, кто не понимает, говорят: “Вот, он всё время критикует!” А как не критиковать?! Когда главное деньги, деньги! Ну, что это такое?! Представляете, Иисус Христос чем занимался бы? Ходил бы и за свои чудеса брал бы бабки. Ну, нельзя себе представить! Потому что и Христа плохо знают. И не почитают. Если говорят: “Жить по-божески”, – так почему же не живёте по-божески? Почему не ведёте себя по-божески? Я уже не отношу эти постулаты к руководителям. У них там с Богом... проблемы, понял я.

– Вот что объясняет безынтересье к тому, что называется культурными встречами. Жалко, потому что я не думаю, что в тот же Воронеж навалом едут композиторы.

– Тишина.

– Попса, наверняка. Таких полно. На тех хватает денег. Я просто знаю это по себе. Мне заплатят какие-то гроши, в то время как попса с мешками уходит оттуда. Откуда эти мешки с деньгами? Что, нельзя найти каналы, откуда поступают эти бабки, и направить их в другое русло? Вот эти, которые финансируют. Спросите у них: “Ты откуда, из какого кармана взял? Не из кармана же этих граждан?”

– Налогоплательщиков.

– И не только налогоплательщиков. Масса других способов грабить людей. Поэтому я думаю, что власти есть, что делать в этом направлении.

Евгений Дмитриевич говорил о набившем оскомину, о наболевшем, а я боялся прервать наш разговор, соглашаясь с ним.

Дога:

– Как в этой ситуации использовать слово, которое мне непонятно, – вдохновение? От чего подпитка? Если мы говорим о дереве, то у него подпитка корнями из земли. Сама культура питается от жизни. А жизнь, смотрите, она совершенно отдалена, не только отдалена, она просто не присутствует. Мне не приходилось видеть в последние годы, чтобы на концерты ходили руководители. Ни разу не видел! Вот на попсу, наверно, ходят. Я не знаю, потому что не хожу на попсу. И не имею возможности. Извините, у меня были концерты во всех самых престижных залах России и за рубежом. Я их не видел нигде! Я не говорю про Президента России. Огромная страна, и у него хватает проблем. Но со среднего звена начать. Ну, возьми, позвони. Я президент своей музыки, и притом навечно.

Дога не был бы Догой, если бы не обратился к Светлому:

– Вы знаете, радость наша, тех, кто что делает, от радости других. Ну что, мы будем сидеть в кабинетах и радоваться бумагой? Это не радость. Радость, когда выходишь на сцену, и тысячи людей заряжаются энергетикой, которой им недостаёт. Видимо, в самой среде, в обществе что-то не то. Пошла метастаза политическая или безнравственная метастаза. Трудно что-то сделать. Значит, нужен хирург. Но не хватит хирургов на всех, поэтому нужны методы терапевтические. Я думаю, что такими терапевтами могли бы быть деятели культуры. Вот я сколько лет слышу: Василий Степанович (кинорежиссёр Василий Панин. – М. Ф.) вынашивает то один план, то другой план, и всё связано с воронежской землёй. А осуществить никак не может. Отдача – ноль. Потому что кому-то это не нравится. Но я не понимаю, почему?

Вот возьмём классиков. У них положение не было таким блестящим, но находились меценаты. Не спонсоры. Ведь сейчас слово меценат почти не используется. Кто-то один раз пришёл, дал какую-то сумму, но чаще всего это называется взяткой, чтобы с этого иметь свои дивиденды, которые в сотни тысяч раз превосходят его взнос. А меценаты те, которые постоянно, всю жизнь подпитывали. Как водопровод нас питает. Вот это подпитка, а не привозить баками, канистрами эту воду. Выпил, и нет её, и опять ты без воды. А нужно этот водопровод духовный и материальный подключить к развитию культуры. И наверняка мы не можем винить государство, и действительно временами нет денег. Хорошо, временами нет. Ладно. Но включите другие пути. Как же миллиарды, которые у абрамовичей!

Дога вдохновенно продолжал:

– Поэтому многое проясняется, если ты человек думающий. Я думаю, у таких людей просто очерствели мозги. Единственно, что не могу понять, когда происходит эта трансформация людей. Все мы учимся в одних школах, по одним и тем же учебникам, потом что-то вдруг происходит, мы остались теми же, в рамках тех нравственных норм, которые мы получили в школе и в семье, а вдруг из нас часть одноклассников или однокурсников становятся другими? Что произошло? Притом моментально. К ним уже не достучаться, они ездят уже на машинах с затемнёнными стёклами. Что он видит за этими стёклами? Ни хрена не видит! На бешеных скоростях. Я не знаю, как так можно? Я помню даже своё время, мы это клеймим, и не дай Бог, чтобы вернуться, как мама трудилась в колхозе. И то, председатель колхоза или бригадир на этой бричке двухколёсной с лошадью объезжал поля. Я не видел, чтобы нынешний деятель на двухколёске объехал и вышел, и поле обошёл. Нет, обязательно со свитой и журналистами, которые будут писать, какой он добрый, какой он...

Мы ещё о многом говорили, но я почти дословно запомнил, чем закончился разговор в Крылатском.

– Время – оно же не прощает! К сожалению, стирает и грани, и потом оно рождает новые поколения, и очень хотелось бы, чтобы между этими поколениями, которые появляются, и нами, которые, я не говорю уходящие – мы не собираемся уходить... Есть две формы нашего присутствия в этом мире. Одна физическая, а другая – духовная. И я хотел бы, чтобы не было,

вот знаете, когда швея шьёт, и видны страшные швы, это плохой очень костюм. А вот если иначе... Для этого придумали утюг, чтобы заглаживать швы. И мне кажется, чтобы какой-то утюг прошёлся и заглаживал эти образующиеся, абсолютно по их невежеству, швы между нами и нашим прошлым, и нашей культурой и будущими поколениями. Чтобы последующие поколения не пришли на голое место, а пришли вот на ту почву, которая их родила. **Мы должны все жить под одной ДУХОВНОЙ КРЫШЕЙ. Вот эту духовную крышу не нужно ждать, что нам кто-то её принесёт на золотом блюдечке. Её нужно даже не строить, её нужно хотя бы сохранить.**

Вспоминаю, как 3 апреля 2016 года на вечере в ЦДРИ спросили:

– Над чем работаете сейчас, Евгений Дмитриевич?

Дога ответил:

– Я четвёртый год работаю над циклом “Диалоги любви”. Настала пора петь про любовь. Потому что главным стержнем нашего бытия является любовь. К великому сожалению, больше видим и слышим по телевизору...

Из зала крикнули:

– Секс.

– К этому есть слово другое. Но они почему-то называли так. Поэтому – про любовь. Я уже показывал часть этой музыки в Большом зале консерватории. С оркестром и с хором. Надеюсь и в следующем году (нынешнем, 2017) это осуществить в Царицыно на открытом воздухе. Это так здорово! Потому что я уже это проделал в Яссах, в Кишинёве, в Бухаресте. Это так здорово, когда тысячи людей будут слышать и смотреть. Не покупать билеты. Придут те, которые **захотят**, а не те, которые **могут**. Это разная публика. А я как раз пишу для той публики, которая придёт без билета. Потому что не все сегодня в состоянии купить билет. На воздухе. У меня музыка, которой тесновато в четырёх стенах!

Многая лета Вам, Евгений Дмитриевич!